


---



— Чем дальше в лес, тем чудесатее и чудесатее, — сворачивая на очередной рекомендованный стрелкой и голосом навигатора поворот, поделилась я опасениями. — Уж послала нас бабушка так послала, — осторожно объезжая колдобину на дороге, продолжала я. — Как думаешь, Герцог, какая засада нас ждет впереди?

Вместо ответа меня удостоили высокомерным скептическим взглядом карих глаз. Недвусмысленно выказав таким образом свое отношение ко мне и к обстоятельствам в целом, обладатель волооких очей демонстративно отвернул голову, предпочитая разглядывать пейзажи за окном, чем общаться со столь не достойной его внимания особой.

— Вот никогда от тебя не дождешься поддержки и понимания, — привычно возмутилась, посмотрев ему в затылок. За что была вознаграждена странным звуком — не то мелкий чих, не то в высшей степени презрительное хмыканье. — Нет, все-таки ты редкостная скотина!



Скотина на данное замечание никак не отреагировала, так же привычно проигнорировав мое негодование.

Ах да, кстати. Это Герцог. Он же Франкенштейн, он же Жоффрей де Пейрак, в зависимости от моего настроения и степени гневливости на него, и он же Его Высочество. Прошу любить и жаловать!

По божественной задумке, вообще-то пес отряда собачьих, разновидности декоративных мелких пород, в народе презрительно именуемых шавками. И никоим образом не подходящий ни под одно из этих определений.

Видимо, Творец решил поэкспериментировать и смешал в одном флаконе все какие можно декоративные собачьи породы, а, получив результат, сам ужаснулся содеянному и, украдкой озираясь по сторонам — не заметил ли кто! — скомкал бумажку и быстренько выкинул на землю от греха подальше. Ну а на грешной кто-то это мутантское чудо подобрал, кое-как разгладил божественный пергамент, и получился данный экземпляр.

Около трех килограммов веса на высоких тонких ножках, с непропорциональной телу большой головой, с огромными, еще более непропорциональными всему остальному ушами, недоприплюснутой до конца мордой — баловалась, видать, прабабка с пекинесом, и получилось что-то вроде обрезанного передка грузовика в ми-




ниатюре. Зато глаза ему достались вообще черт-те от кого — большие, карие, с поволокой, почти человеческие. Создавалось такое впечатление, что морда состоит только из этих глазищ и оскала, над которыми гордым торчком стояли огромные уши в нежной жиденькой опушке непонятного цвета.

С окрасом и растительностью Герцогу тоже не подфартило. Шерсть — так, ни два ни полтора — начиналась от затылка, немного густела на загривке и груди, заметно редела к попе, на коей уже обозначала себя короткой опушкой, и заканчивалась полным позором на коротком хвосте в виде мелкого подшерстка, из которого тянулось несколько длинных волосин, как на голове облысевшего дедка.

С экстерьером тоже... как бы это сказать... не сложилось. Вернее, сложилось, но уж больно причудливо. Голову Герцог всегда держал гордо вскинутой, как лев — царь зверей, честное слово! Вообще, перед впечатлял высокомерной статью, а вот задок оплошал — то ли вследствие травмы, то ли от рождения, но скособочило задние лапы, и тощую, почти лысую попку, больше похожую на дулю, сильно смахивавшую на эдакий ответ миру на его претензии к данному индивиду, заметно сносило вправо.

Все его тело покрывали следы от ран и укусов, полученных в нелегкой борьбе за выживание. А левое ухо, которое было когда-то почти оторва-



---

но, практически полностью перечеркивал большой белый шрам, не зараставший шерстью, — память о боевом прошлом.

Два года назад я нашла его у подъезда бабушкиного дома: уже открывала подъездную дверь, когда заметила справа на дорожке непонятный предмет — какое-то небольшое животное, скорее всего кошка бездомная, покрытое ранами и кровоподтеками.

Что меня дернуло посмотреть? Ну животное, ну прибила какая-то сволочь людская, походя, от жестокости тупой. А вот потащила же!

При ближайшем рассмотрении предмет оказался псом. Маленьким замученным псом. Он был жив и в сознании, но не скулил, не пищал, лишь надсадно дышал с хрипом и смотрел на меня абсолютно человеческим, осмысленным взглядом, переполненным укором, болью и гордой непокорностью судьбе. На боку у него был вырван кусок шкуры с мышцами, явно укус большой собаки, левое ухо практически оторвано, из более мелких многочисленных ран сочилась кровь.

Его всерьез потрепали дворняги, но раз не прикончили до конца, значит, он сумел отбиться и убежать! Да так убежать, что и не догнали, и не нашли!

— Сейчас, миленький, потерпи, — пообещала я непонятно чего и мотанула к машине.

Я подогнала свой «крузак» прямехонько под подъезд, как можно ближе, в багажнике из сумки со спортивной снарягой достала полотенце, вы-



тряхнула кроссовки из пакета, постелила его на переднее пассажирское сиденье и, оставив дверцу распахнутой, поспешила к страдальцу.

Он не скулил, не визжал и не огрызался, когда я с максимальной осторожностью заворачивала его в полотенце и переносила в машину, только вздыхал тяжело, совсем по-людски.


— Потерпи! — попросила я его, заводя машину.

Так, куда его везти? Живность никакую я отродясь не держала, никогда не заводила, не подбирала на улицах и у родителей не выклянчивала. Даже в нежном детстве не мечтала о домашнем питомце или живом зоологическом уголке, имея совершенно иные увлечения и пристрастия.

Я позвонила Жанне, хозяйке клок шерсти на ножках, именуемого Жозеттой, суперпородистой йоркширицы со стержовым характером. Может, по причине мерзкого характера этой сучки она и всплыла первой в моей памяти. Жанна, посочувствовав несчастной собачке, немедленно дала адрес ветеринарной клиники, в которой обслуживали Жозетточку.

Несчастливая собачка, немного отогревшись, дважды попыталась меня укусить, намереваясь подороже продать свою тяжелую жизнь, без какого-либо предупреждения рыком, когда я потрогала ее нос, проверяя, не подохла ли она вообще, чем вызвала мое глубокое уважение. Боец!

И я наконец ее внимательно рассмотрела, не-



---

мало подивившись причудливым выкрутасам природы, больше смахивавшим на неудавшийся эксперимент сумасшедшего ученого.

— А ты красавчик, — порадовала я песика впечатлением, произведенным на меня его внешностью.

Когда я ввалилась в клинику с требованием скорой медицинской помощи животному, персонал, рассмотрев пострадавшего, грозно потребовал, чтобы я немедленно вынесла ЭТО из их приличного заведения! И пригрозил выдворением моего тела вместе с ношей ротой охранников за пределы их приличного учреждения.

Я как-то не сообразила, что в эту супер-пупер-навороченную клинику возит своих пусиков, мумусиков и люлюсиков весь московский бомонд, вставляя в их зубки бриллиантики и делая пластические подтяжки их жопам.

Нет, нам такая клиника ни за каким хреном не подойдет! Нам нужна нормальная ветлечебница, где действительно спасают и по-настоящему лечат!

— Потерпи еще немного, — попросила я подопечного, быстренько просматривая в смартфоне список ветеринарных заведений.

Ага! Вот это в самый раз! Скорая оперативная помощь, хирургия и даже стационарное лечение! Так, как нам лучше проехать?

Я добралась быстро, минут за сорок. Медсестра в приемном отделении, только глянув на жи-



вотное, вызвала тут же по селектору дежурного врача и быстро проводила меня в приемную комнату хирургии.

Дежурным врачом оказался кряжистый невысокий мужчина лет за пятьдесят, представившийся Алексеем Леонидовичем.

— Где вы нашли такого Франкенштейна? — чуть улыбнулся он, осмотрев пса.


— А где таких находят? — слегка агрессивно ответила я.

— М-да, — протянул доктор и осмотрел на сей раз меня с ног до головы весьма красноречивым взглядом, сделал выводы и с неприкрытой неприязнью спросил: — А вы уверены, что хотите его спасти?

— Я же его привезла. — Я смутно предполагала, к чему он ведет.

— А зачем? — подтверждая мои предположения, в том же тоне, но с новой ноткой брезгливости продолжил врач. — В вашей гламурной тусовке неделя добрых дел? Акция «Поможем бездомным животным» с демонстрацией на камеры телевидения? И месячником обсуждения в клубах: какие мы хорошие девочки?

Понятно. Заценил, значит, мой несравненный девичий образ должным образом. Как говорил герой известного всем фильма в исполнении еще более известного артиста: «Ну, это нормально!» Я вообще на людей произвожу именно такое впечатление, кстати, сей имидж тусовочной кра-



---

сотули поддерживаю со всяческим тщанием, старательностью и удовольствием.

— Про акцию не слышала, а песика вылечите, пожалуйста...

— ...а вы его потом на улочку назад отпустите, — ерническим тоном закончил он за меня якобы мою мысль.

— Нет, — без дураков, на этот раз нормальным голосом с нажимом пообещала я. — Останется со мной жить, если захочет, конечно.

— Ладно, — после минутного раздумья согласился доктор. — Подождите в коридоре, операция будет долгой, и успех не гарантирую.

Вот так в мою жизнь попал Герцог. Операцию он выдержал. А то как же, с таким-то характером! Его жизненное кредо: если тебя съели, у тебя все равно есть два выхода! И я бы сильно не позавидовала тому, кто таки умудрился бы его сожрать! Эта упертая тварина ни за что не стала бы выходить «в заднюю дверь», и неосмотрительный гурман сдох бы от несварения и заворота кишок! Вот ей-богу!

Он поправлялся долго, попутно пса лечили от многочисленных болезней, приобретенных им в бездомной дворняжьей жизни, ставили все положенные прививки, откармливали. За время, проведенное в стационаре, он стал героем и любимцем всего персонала. Поразительным образом в нем сочетались внешнее уродство и сильный характер благородного бойца, по аналогии с чело-





веком можно сказать: врожденная дворянская гордость и благородство крови.

Не смейтесь. Именно так! Ну и высокомерие — этого так вообще вагон!

Когда я пришла навестить его после операции, что-то там засюсюкала по людской идиотской привычке обращаться таким образом с мелкими представителями животного мира, он так посмотрел на меня... Типа, что тебе, убогое создание, от меня надо? Шла бы ты куда подальше!

— Ну прямо герцог! — возмутилась я такой наглостью.

Вот так он и стал Герцогом.


А молоденькая медсестра, которая ухаживала за послеоперационными подопечными, умиленно и восторженно посверкивая глазками, сказала мне:

— Он похож на Жоффрея де Пейрака. Ну помните, из «Анжелики»? Когда они снова встретились, она считала, что он погиб, а он выжил. Его и на костре жгли, и пытали, он весь в шрамах, хромает, страшный, но гордый и красивый и всех победил!

— Похож, — согласилась я, правда, признаваться, что книжек про Анжелику не читала, не стала.

Кстати, доктор Алексей Леонидович сказал мне, что Герцогу не больше трех лет. Ничего себе, жизнь у него была эти три года!

Заштопанного, здорового, прибавившего в ве-



---

се и привитого Герцога в новом противоблошином ошейнике я перенесла через порог своего дома, поставила на пол и пригласила:

— Ну проходи, обследуй территорию твоего нового места проживания!

Он встряхнулся всем тельцем, одарил меня презрительным взглядом и не спеша пошел обследовать. Я спохватилась, что он сейчас примется мне тут территорию метить. Мама дорогая! Это же дворняга дикая, а я его в свой уютненький домик приволокла!

Метить! Сейчас! Герцог, он и в московских хоромах герцог! Не иначе как упомянутый — как его там? — де Пейрак реинкарнировался в этом создании в той самой своей последней ипостаси: искалеченный, но непобежденный!

По крайней мере мой Франкенштейнчик вел себя именно так. Он никогда не гадил в доме, не чесал задними лапами за ухом, я ни разу не видела, чтобы он себя вылизывал в причинном месте. Он не делал суетливых движений, не бегал шавочной торопливой трусцой, цокая когтями по полу. Даже если был очень голоден, а я поздно возвращалась с работы, он размеренно-неспешно проходил в кухню, укладывался возле своих мисок и никогда — никогда! — не заглядывал заискивающе мне в лицо, не вилял лъстиво и радостно хвостом и ничего не выпрашивал. Вот ни разу!

Он обожает купаться в ванной, ненавидит любой парфюм, при этом от него не воняет псиной,




презрительно отвергает любые консервы и собачьи корма и ест только свежее мясо, видимо, компенсируя все те годы, что пришлось довольствоваться чем ни попадя, любит салатные листья и свежие огурцы и фрукты.

Я его уважаю и не понимаю, как могла жить раньше без него. Он меня терпит, по большей части выражает явное сомнение в моих умственных способностях, категорически не приемлет никаких поводов и ограничения свободы, максимум, на что согласился, — на ошейник от блох, на который я прикрепила подвеску с его именем и адресом. Он не позволяет чесывать себя за ушами и вообще никаких нежностей, если подхватить его на руки и посюсюкать, можно вполне реально нарваться на предупреждающий боевой оскал. Но если Герцогу хочется понежничать, он приходит сам, никогда не залезает на колени, а укладывается рядом и греет мои ноги своим боком.

Он аристократичен, холодно-презрителен, умен по-человечески, и он вцепится мертвой хваткой в горло любому, кто попробует меня обидеть.

Из детского автомобильного кресла я сделала специально поднятое повыше сиденье с ремнями безопасности для него, которое стоит на пассажирском месте впереди — его законном, исключения не делаются ни для кого, остальные пассажиры ездят теперь в моей машине только сзади.

Вот так мы и живем.



---

Но что-то я отвлеклась. Я всегда так в дороге — думаю о разном, а если что-то вспоминаю, то как кино просматриваю: красочно, подробно, с деталями. Дорога к этому располагает, а я очень люблю дорогу.

Так вот о причине, по которой мы с Герцогом оказались за пятьсот с лишним километров от любимой нами Москвы, среди красивейших мест между реками Волхов и Мста, и приближаемся к искомому поселку с замысловатым названием.

У меня есть бабушка Лидия Архиповна, мама-мама. Бабульку свою я люблю и даже тайно обожаю, не могу ей отказать ни в чем и стараюсь тщательно баловать.

Ей восемьдесят лет, и последние годы она сильно прибаловала, но крепилась, бодрилась, а вот полгода, как стала резко сдавать и два месяца назад совсем слегла.

Врачи уверяют, что надежда на улучшение есть, а бабуля отмахивается от их прогнозов:

— Да чего там... — недовольно бурчит она. — Я сама врач и получше их про свои болезни все знаю. Да и надоело болеть и болеть, чего задерживаться!

А третьего дня позвала меня для серьезного разговора.

— Васенька, просьба у меня к тебе, — с каким-то совсем уж строгим выражением лица, взяв меня за руку, сказала она, — отвези мое письмо одному человеку, получи ответ хоть письменно,



хоть устно и привези мне. Я обязательно дождусь.

— Ба, ты что, умирать собралась? — возмутилась я.

— Собралась, внученька, — кивнула бабушка и посуровела: — И нечего слезы лить! Ничего в этом страшного нет, жизнь пострашнее будет! Да и всем свое время приходит! Или ты хочешь, чтобы я лежала и болями мучилась!

— Я хочу, чтобы ты была живая и здоровая!

— Я бы тоже не отказалась, — усмехнулась бабушка и снова стала торжественно строгой. — Не отвлекай меня на ерунду, у меня не так много времени осталось. Слушай внимательно. У меня была закадычная, самая лучшая подруга с детства, Надя...


Она долго рассказывала, я слушала зачарованно, погрузившись в любви и страсти, дружбы и предательства, смертельные ситуации и спасения далеких дней, плакала, не замечая своих слез, и поражалась силе и красоте той жизни, которую они проживали молодыми.

— Почему ты никогда раньше об этом не рассказывала? — потрясенно прошептала я, когда она закончила.

— Не хотела ворошить прошлое, в котором чувствовала себя виноватой. Да и зачем вспоминать о своих ошибках!

— И ты ни разу не попыталась с ней встретиться, поговорить?

— Попыталась. Один раз, когда открылся этот



---

обман. Но тогда все было свежо и больно, и она не захотела меня услышать и простить. — Бабушка помолчала, находясь там, далеко, в своем прошлом. — Я не хочу умирать, не попытавшись все объяснить ей.

— Ба, а если она... — Тут я споткнулась маленько, но вопрос закончила: — ...умерла уже?

— Нет, не умерла, — уверенно возразила бабуля. — Все эти годы я поддерживаю связь с несколькими своими односельчанами. Некоторые давно в город перебрались, а кто и остался. Так, пишем друг другу изредка, перезваниваемся когда-никогда, но про их жизнь и что там у нас происходило все эти годы я знаю. Вчера специально позвонила одной старой знакомой, узнала, что Надя жива, только переехала. Недалеко, в какой-то новый поселок, рядом со старым, на другом берегу реки. Ты знаешь, какие у нас там места замечательные! Красота, природа сказочная, немудрено, что новые поселки вырастают. Съезди, Васенька, исполни мою просьбу.

— Ба, ну ты чего? Разумеется!

— Вот письмо. — Она передала мне пухлый конверт из плотной почтовой бумаги, на котором большими четкими буквами были написаны адрес и имя получателя, и попросила как-то беспомощно, по-детски: — Ты ответа дождись, лютого, не уезжай без ответа.

Я кинулась ее обнимать, расцеловывать, разревелась, конечно, и, прижавшись к любимой




бабулиной, такой родной мягкой щечке, твердо пообещала:

— Костьми лягу, поселюсь там у нее, а ответить заставлю!

— Костьми не надо, — бабуля успокаивающе поглаживала меня по голове. — И не пугайся уж так, я завтра помирать не собираюсь. Вот тебя дождусь, а там, может, и поживу еще.

Следуя указаниям навигатора, я повернула налево, подивившись прекрасному качеству новой дороги после полукилометрового промежутка, разбитого в хлам, с которого свернула. Впереди просматривался мост через небольшую речушку, а за ним поворот направо, о котором тут же напомнил спутниковый «сусанин».

Когда я купила новый навигатор, меня сильно напрягали комментарии бабским голосом, и я, покопавшись в нем, перепрограммировала голосовое сопровождение на эротический мужской баритон. Увлечшись творчеством, решила было добавить пару-тройку нежненьких определений в его словарный запас, но, почесав свою красивую умненькую головушку, отказалась от такой затеи. Представила, что вот поездишь так денек, когда тебе говорят: «Через сто метров поверни направо, дорогая. Езжай прямо, любимая», и поняла, что неизбежно к концу дня возникнет устойчивое и непреодолимое желание убить всех



---

носителей эротических мужских голосов к бениной маме!

Первый раз услышав комментарии на приборе в исполнении уже мужского голоса, Герцог многозначительно хмыкнул и снисходительно посмотрел на меня.

Ему хорошо, у него с личной жизнью полный порядок — оприходовал всех мелких сучек нашего и окрестных дворов, к ужасу и возмущению беспредельному их хозяев и моей компенсации им в виде пардона за его сексуальную неумность. Даже как-то раз умудрился провести данный акт с дворнягой раза в два больше его. Как, спросите вы? А элементарно, с его-то умищем: притер сучку к высокому бордюру, она себе стояла как миленькая, ну, а он неспешно со всем справился. В этих делах он тоже не суетится. Кобель боевой, одним словом! А вот у хозяйки с личной жизнью большой пробел.

Опять отвлеклась!

Поселок открылся из-за небольшой рощицы во всей красе! А ни фига себе поселочек-то! В таких бабульки обездоленные не живут! Сплошь современные деревянные дома, такие, знаете, из больших цельных бревен, это как-то называется, но я в строительстве ни бум-бум, поэтому пусть они себе так называются и дальше. Общая картина такова: на больших просторных участках стоят двух-, трехэтажные дома с пристройками, верандами, отдельно стоящими домиками, наверное,





баними, где-то и летние беседки видны современной архитектуры, с явным участием продуманного дизайна и ландшафта. И, между прочим, весьма хорошая дорога, достаточно широкая. И вся эта красота утопает в деревьях, начинающих цвести, ярко-зеленой травке. Очень красиво!

А туда ли я попала, возникает сам собой актуальный вопрос. Мне как-то домик восьмидесятилетней бабушки несколько по-иному представлялся — пусть и не халупа разваливающаяся, но и не палаты боярские, уж точно!


Я притормозила, сверилась с адресом. Поселок искомый, верняк — перед въездом на мост указатель стоял, а вот улица другая. Я приняла влево, прижалась к обочине рядом с воротами ближайшего дома, выключила мотор и отстегнула ремень.

— Пойду спрошу, — сообщила я Герцогу.

На каменном столбе калитки нашелся не просто звонок, а домофон! Ну лады! Я нажала кнопку вызова, мне любезно ответили и столь же любезно объяснили, как найти нужную улицу.

Да у них тут Версаль, ей-богу! Это я так, от нервов ерничаю.

Улицу и дом я нашла быстро. Оказалось, что через мост — это второстепенный въезд, а главная дорога проходит именно по той улице, которая мне нужна. Просто я ехала кратчайшим маршрутом от Москвы, а центральная трасса — со стороны Питера.



---

Дом был трехэтажный, большой и красивый, но из-за высокого забора просматривался только от второго этажа.

Лично я за высокие заборы! Вот противница я европейской и американской открытости и демократичности во всем вплоть до личной жизни и их же подозрительности с элементами тотального контроля и стукачества на соседей: а мало ли что вы там за своим забором делаете? А не ваше собачье дело, что я за своим забором делаю! Вот голой гулять люблю по газонам! У вас вон и открытость, и контроль, а маньяков раз в десять больше, чем у нас, находят закрытые места для обитания.

Вообще-то меня поколачивало немного, и нервничала я, вот и болтала про себя всякую ерунду, но на кнопку домофона нажала вполне решительно.

— Да, — где-то через минуту ответил мне молодой женский голос.

— Здравствуйте. Мне нужна Надежда Ивановна Битова.

— Кто вы и по какому вопросу ее разыскиваете? — спросили спокойно, без подтекстов.

— Меня просили передать ей письмо, — неопределенно сообщила я о цели своего визита.

— Подождите, — после непродолжительного молчания попросили меня, не настаивая на дальнейшем выяснении посредством домофона.



Где-то хлопнула дверь, я услышала шаги за калиткой, щелкнул замок, отворилась дверь, и я увидела приятную женщину лет пятидесяти простой наружности.

— Проходите. — Она закрыла за мной калитку и провела меня в дом.

Мы поднялись по ступенькам, вошли в большую светлую прихожую, скорее холл, и через него прошли в огромную, удивительно уютную и современную гостиную.


Но мне было не до рассматривания интерьеров — навстречу нам шагнула, поднявшись из большого кресла, пожилая женщина. И вот на нее-то я смотрела не отрываясь.

Строгое и одновременно доброе, располагающее лицо, я бы сказала, даже симпатичное, ее движения не выдавали никакой старческой немощи, скорее наоборот: живость и подвижность. Такая простая, но мудрая старушка.

— Здравствуйте, — улыбнулась она мне. — Я Надежда Ивановна. И от кого же мне письмо?

— Здравствуйте, — улыбнулась я в ответ и представилась: — Меня зовут Василиса Антоновна Инина, лучше просто Василиса, я внучка Лидии Архиповны Ладожской. Это она просила меня передать вам письмо.

Взгляд Надежды Ивановны сделался растерянным, она словно поникла вся, неосознанно протянула руку в поисках опоры и шагнула назад к креслу. Я кинулась ее поддержать одновремен-



---

но с женщиной, стоявшей все это время у меня за спиной и оттолкнувшей меня сейчас.

— Вы ее расстроили, ей нельзя волноваться! — Она подхватила Надежду Ивановну под локоток, подвела к креслу, усадила и строго приказала: — Оставьте свое письмо и уходите!

— Нет, Вера, — возразила Надежда Ивановна тоном привыкшего руководить человека. — Девочка останется! — И отдала приказ уже мне, указав на диван напротив: — Садись!

Ну я не Аленушка, безответно узурпируемая, мне особо не поприказываешь, но в данной ситуации решила характер не выказывать и приняла приглашение, устроив свою красивую попку на уютной подушке большого кожаного дивана.

Надежда Ивановна успокоила непонятную мне пока Веру, сказав, что с ней все в порядке и не о чем волноваться. Та, недобро на меня глянув, отошла от старушки, но из комнаты не вышла, оставшись стоять на страже интересов подопечной.

— Как она? — сурово посмотрела на меня Надежда Ивановна.

— Болеет.

Я не стала говорить, что бабушка умирает, попахивало это шантажом на чувствах, типа «не откажете же вы умирающему в последней просьбе». Но старушка поняла все правильно, внимательно рассматривая выражение моего лица. Умная бабушка, это я сразу просекла.



— Сколько тебе лет, Василиса? — немного смягчила тон бабулина бывшая подруга.

— Двадцать семь, — отрапортовала я.

— Замужем?

— Нет.

— Дети есть?

— Нет, — понемногу заводясь на холостых оборотах, односложно отвечала я.

— Да ты не обижайся, Василиса, мне просто интересно, — закосила под простоту деревенскую ушлая старушенция.

Ага! Что-то мало верится! Вон как построила Веру, тоже далеко не пушистую, судя по всему, и тон командирский отточен до прозрачности лезвия.


— А еще внуки у Лиды есть? — совсем перейдя на нейтральные голосовые тембры, продолжила выспрашивать она.

— Нет, я одна такая бабушкина, — не стала кукситься девочка Вася, охотно отвечая на вопросы.

— Так у нее вроде бы сын старший был? — удивленно приподняла брови Надежда Ивановна.

Ага! Значит, информационная связь с односельчанами работала в обе стороны и поддерживалась не только моей бабулей!

— Ну почему был? Дядь Леша жив, шестьдесят лет ему, он сводный брат моей мамы, сын бабушки от первого брака. У него тоже был сын от первого брака, но умер, больше детей у него не было ни в одном из пяти последующих супру-



---

жеств, — решительно предупредила я возможные вопросы и вздохнула тяжело для красочности рассказа с далеким прицелом на предмет примирения бывших подруг. — Бабушка говорит, дурные гены во всей красе.

— А что мы так сидим? — огорошила неожиданным вопросом Надежда Ивановна и улыбнулась мне доброй, открытой улыбкой. — Ты прямо из Москвы приехала, деточка?

— Да, — немного ошарашенно подтвердила деточка свой маршрут следования.

— На машине?

— Ну, да, — кивнула я.

— Ну, вот, — не пойми с чем согласилась она, поднимаясь с кресла, и пояснила: — Целый день за рулем, устала, голодная, а я на тебя с расспросами накинулась. — И распорядилась: — Давай загоняй машину в гараж, заноси свои вещи, Вера тебе комнату покажет, где расположишься, и будем обедать. Там, за столом, неспешно и поговорим.

От такого напора я как-то опешила немного. В моем замечательном мозгу закопошилась тень сомнения: с чего это такое гостеприимство? Уж на что, на что, а на столь радушный прием я никак не рассчитывала. А как раз ровно наоборот, в том ключе про «костьми лягу!», обещанное бабуле, и даже забронировала номер в гостинице по Интернету в ближайшем городе, приготовившись к долгой осаде.



Воспитанной скромной девочкой я не была уже в утробе и начинать учиться этому глупому делу не собираюсь и впредь. От неожиданно выпадавших удачных возможностей никогда не отказывалась и вам не советую, другое дело — цена вопроса.

Кто дает и что за это хочет?


Что хочет за свое широкое гостеприимство Надежда Ивановна? И готова ли я платить не озвученную пока, но, безусловно, обязательную цену? С этими хитрыми старушками только расслабься, и уже становишься юным румяным волонтером.

Это я для своей бабушки по углям босиком пройду, если надо, а все остальные бабушки меня как-то мало интересуют, пусть ими занимаются их собственные внуки.

Руководствуясь данным личностным постулатом, пришлось спросить:

— Надежда Ивановна, бабушка просила отдать вам письмо, получить ответ в любой форме, хоть письменной, хоть устной. Она не очень верит, что вы вообще ответите, вы же с ней в ссоре и обижены на нее. Так почему же вы меня приглашаете? Хотите, чтобы я рассказала вам про ее жизнь, а отвечать на письмо не будете?

— Я ждала весточки от Лиды шестьдесят лет, не торопи меня, деточка, когда я ее все-таки получила, — печально, но строго ответила она.



---

— А почему же тогда вы сами не связались с ней, не написали? — удивилась я такому раскладу.

— Гордыня. Самый тяжкий грех, — вздохнула тягостно Надежда Ивановна. — Письмо читать буду долго и несколько раз, ответу обязательно, но и писать буду долго. Такие письма за час не пишутся. А ты пока поживи со мной, уж не обижай отказом. У нас здесь места необычайной красоты, речка, пляж, и люди сплошь солидные живут, не абы кто. Отдохнешь, воздухом чистым подышишь, мы с Верой Николаевной тебя угощениями побалуем натуральными, деревенскими. А ты мне потихоньку и неспешно про Лидину жизнь расскажешь, что знаешь.

Вообще-то не самый высокий тариф за проживание в домике такой комфортности, к тому же, готовясь к долгой осаде, я предусмотрительно взяла на работе неделю от своего основного отпуска, и ничего, что середина мая, а не лето. Май я как раз очень люблю, а уж на природе в натуральном виде, так сказать, и с комфортом и по-давно!

— Договорились, — огласила я свое решение, но предупредила: — Я не одна.

— С другом, что ли? — Что-то такое, похожее на разочарование и досаду, мелькнуло у нее в глазах.

— Можно сказать и так, — усмехнулась я. — С собакой. Вернее, он мужского рода, кобель по по-





ловым признакам и по всему остальному тоже кобель.


— Мы же деревенские, — заулыбалась Надежда Ивановна, и Вера Николаевна следом за ней. — Что мы, кобелей не видели!

— ТАКОГО не видели, — предупредила я.

Мне выделили для проживания большую светлую гостевую комнату на втором этаже. Напротив, через коридор, дверь в дверь, располагалась туалетная комната с современной душевой кабиной, раковиной, унитазом и биде, без излишних дизайнерских наворотов, но очень симпатично, функционально и, главное, просторно. Туда я первым делом пристроила и туалет Герцога, который он поспешил посетить. А я вернулась осматривать свои апартаменты.

Ну что: большая двуспальная кровать с удобным ортопедическим матрасом справа, расположенная изголовьем по центру стены, по бокам две тумбочки, небольшое уютное кресло у окна, у стены напротив кровати низкий стеллаж, на нем плазма телевизора, у окна большое зеркало, с другой стороны от телевизора небольшой шкаф и справа от двери трюмо. Лаконично, стильненько, симпатичненько, чтобы гости не задерживались особо долгим проживанием, но при этом не испытывали дискомфорта.

Единственным диссонансом сдержанной обстановки комнаты являлось огромное окно напротив двери, за плотными шторами которого открывался потрясающий вид на реку и дальше,



---

дальше по невысоким холмам с выпирающими седыми проплешинами нагромождения камней, сосенками, кустарником...

Ладненько, более подробным ознакомлением с природными красотами края займемся позже, а сейчас есть дела поактуальнее!

И первым номером в списке дел стоял звонок бабушке. Я плюхнулась животом на кровать, по ходу проверяя ее удобство, и позвонила бабуле, подробно отчитавшись о встрече с Надеждой Ивановной. К концу разговора она совсем расчувствовалась и даже всплакнула и благословила меня «на проживание» и разговоры с бывшей подругой.

Звонок номер два — папеньке, с уведомлением, как я добралась до места, как меня встретили и приветили и перспективах неожиданного отдыха.

Так! Отзвонилась, теперь бы душик принять. Но душ, видимо, придется отложить, ограничившись мытьем ручек перед обедом.

Я была остановлена в своих устремлениях в сторону душевой вошедшей в комнату Верой Николаевной.

— Вот белье вам принесла, — вполне дружелюбно сообщила она, положила белье на кровать и с сомнением поинтересовалась: — Сами-то застелете?

— Справлюсь, — пообещала я, подтвердив заявление кивком.



— Василиса, — обратилась она примирительным тоном, — вы не обижайтесь на меня, что я там вас шуганула. У Надежды Ивановны гипертония, да и сердце пошаливает, мы за нее беспокоимся и оберегаем от волнений.

— Я понимаю, — уверила я со всей откровенностью.

— Ну и хорошо, — порадовалась женщина и пояснила: — Я здесь вроде домработницы и сиделки, еще девочка приходит два раза в неделю, убирает и за порядком следит, Василич раз в неделю тоже приходит, за всякие приборы, электричество там и все такое техническое он отвечает. Вот и весь наш коллектив.

Тянуло уточнить: «За чей счет банкет?», то есть поинтересоваться, а на какие трудовые доходы или под чьим патронатом такая обеспеченная комфортом и уходом старость простой сельской труженицы?


Но эти вопросы были из разряда тех, которые стоило придержать и ответы на которые всенепременно найдутся и сами, без моего непосредственного участия, в ходе диалога, так сказать.

А Вера Николаевна вдруг заговорщически призналась:

— Надежда-то обрадовалась знаете как: и письму, и вам!

— Да? — поддержала я интригу.

— Э-э-э... Еще как! Это она просто виду не показывает. А весточки от вашей бабушки, видать,



---

и в самом деле шестьдесят лет ждала. — И покачала головой, досадуя: — И чтоб им давно ни помириться, видать, упертые обе, только держись.

— Эт точно! — завершила я ее.

Как я и предполагала, Герцог произвел на женщин неизгладимое впечатление.

Так получилось, что представить Его Высочество дамам мне удалось только перед обедом. После того как я приняла приглашение остаться и погостить, Надежда Ивановна ушла в свою комнату принимать лекарства и отдохнуть, а Вера Николаевна сразу показала мне мою комнату, потом открыла ворота на участок, а когда я захала в гараж, махнула рукой на дверь, ведущую из гаража в дом, и пошла запирать ворота.

Мы, посоветовавшись с Герцогом, решили, что он воздержится от обследования участка и использования его в виде естественного туалета до разрешения хозяев. Поэтому я транспортировала его и вещи в наши временные апартаменты на собственных нежных, красивых плечиках и руках.

А вот когда мы, повинувась зову Надежды Ивановны, спустились со второго этажа и прошли через гостиную, через большие стеклянные двери, ведущие на задний двор, и вышли на широкую веранду, где располагался большой гостевой стол, я и представила Герцога, гордо шествовавшего рядом со мной.



— О господи! — воскликнула Вера Николаевна, всплеснув руками от чувств. — Что ж он такой страшенький? — И, оставив хлопоты у стола, подошла к нам, наклонилась к Герцогу и спросила с ноткой жалости сердечной к убогому существу: — Можно его погладить?

— Не советую, — честно предупредила я.

— Что, укусит? — не поверила женщина, рассматривая «несчастную собачку».

— Укусит, — не порадовала я ее.

— Молодец! — похвалила Надежда Ивановна и попросила: — А ну-ка подведи его ко мне, рассмотреть хочу.


Она сидела во главе большого овального стола в конце веранды, у перил в удобном плетеном полукресле, куда Герцог и направился без моих приказов.

Ну да! Приказывать Герцогу?! Ну-ну. Я пыталась несколько раз, еще в начале наших отношений, но нарвалась на сарказм в собачьем исполнении и чистой воды издевательство в виде ответного фи действием. После чего глупые попытки руководить гордым животным бросила навсегда, предпочитая им мирные переговоры.

Кстати, с Герцогом можно только договориться, и вполне даже успешно, что мы с ним и практиковали в нашей совместной жизни.

Опять отвлеклась, а между прочим, происходило интересное.

Надежда Ивановна развернулась вместе с креслом от стола, чтобы было удобнее рассмат-



---

ривать пса, наклонилась вперед, а Его Высочество гордо стоял напротив нее и, в свою очередь, внимательно рассматривал пожилую женщину.

— Красивый, — постановила Надежда Ивановна безапелляционным тоном, разворачивая кресло в исходное положение, посмотрела еще раз на Герцога и улыбнулась: — Вояка. Владу точно понравится.

— Что ему дать покушать? — Сердобольная Вера Николаевна обвела рукой выставленные на столе яства.

— Герцог орел гордый, аристократ, — приступила к пояснениям я, усаживаясь на предложенное мне место за столом: справа рядом с хозяйкой, спиной к окну. — Подачаек со стола не берет, оскорбляется, питается исключительно свежими мясом, овощами и кашами.

— Молодец! — еще раз похвалила Надежда Ивановна.

— Вера Николаевна, можно я поставлю его миски для еды на кухне?

— Конечно, Василиса! — поспешила дать добро домработница.

— Спасибо, — чинно поблагодарила я и не забыла про иные разрешения: — А можно ему свободно гулять по участку?

— Да можно, конечно! — заверила Надежда Ивановна. — Что ты спрашиваешь, деточка! Собак мы не держим, так что его никто не обидит.



— Это большой вопрос, кто кого обидит при встрече, — усмехнулась я.

Далее обед протекал в непринужденной обстановке. Отправной точкой беседы стала история жизни Герцога. Ахали, охали, и через полчаса обе женщины были окончательно и бесповоротно в него влюблены. А потом разговор принял странное направление — мне повествовали об истории этого края, о родном большом селе бабушки и Надежды Ивановны, о войне, об оккупации, об исторических памятниках и легендах Великого Новгорода и его окрестностей. В общем, эдакий экскурс по историческим местам, датам и природным достопримечательностям, и ни слова о личном. Ни-че-го! Ни расспросов обещанных, ни покаянных рассказов. Культур-мультиур, одним словом.


И в один момент Надежда Ивановна объявила застолье закрытым:

— Пойду я прилягу. Устала что-то. А ты, Василиса, чувствуй себя как дома, не стесняйся, если что понадобится или вопросы какие возникнут, обращай к Вере. Она тебе все подскажет.

— Спасибо, — поблагодарила я, хорошая девочка. — Надежда Ивановна, называйте меня Вася, как все мои родные, мне так удобнее и привычнее.

— Хорошо, Васенька. — И Надежда Ивановна погладила меня по голове.

Предоставленная в полное собственное рас-



---

поряжение, я распаковала вещи, развесила в шкафу и разложила причиндалы мелкие где только можно, поставила заряжаться ноутбук, телефон и смартфон и, наконец, с удовольствием приняла душ.

А вернувшись в комнату, сбросила полотенце и встала перед большим зеркалом на стене изучать собственное прекрасное тело на предмет выявления недостатков.

Кроме старых, почти незаметных шрамов, напоминаний о детстве лихом, на белом девичьем теле новых недостатков не обнаружилось. Прямо Василиса-краса, русая коса!

Русая коса, чтоб вы знали, в наличии имелась! Я перекинула на грудь копну длинных влажных после душа волос — они у меня светло-русые, не блондинка в принятой классификации оттенков волос, но очень близко, по крайней мере меня причисляют именно к этому отряду сложившегося в последние годы стереотипа в нашей стране.

К волосам, отражавшимся в зеркале, претензий не нашлось, как и ко всему остальному: шейке моей лебединой, рученькам-ноженькам, гордо стоящей полной груди и восхитительным ягодицам!

Ну вы уже поняли, как я отношусь к себе любимой!

Этому приему меня научила мама. Давно, во времена моего пубертатного периода. Вспомнив






маму, я сразу загрустила, отошла от зеркала и плюхнулась на кровать.

Когда мне было тринадцать лет, мы с родителями переехали в другой район Москвы, и мне пришлось идти в новую школу. Я сейчас и не вспомню, почему понадобилось переезжать, но это и неважно. Важно другое. В старой школе у меня были прекрасные отношения с одноклассниками да и с окружающими в целом. Никого не смущали мои увлечения совсем не девчоночьими занятиями, наоборот, мальчишки ходили за мной толпами, обсуждали живо интересующие их пацанские темы, торчали вместе со мной сутками в отцовском гараже, девчонки не ревновали, так как и про девичьи секреты я никогда не забывала.

Но в новой школе все пошло наперекосяк! Меня обзывали злыми, обидными прозвищами, вечно подкалывали, подстраивали всяческие пакости. Мне приходилось постоянно драться, отстаивая свою «честь и достоинство». Я стала как звереныш малолетний — вечно в ожидании нападения, оскаленная, злая, безбашенная до остервенения. В драке я забывала об инстинкте самосохранения и не бежала никогда, каков бы численный перевес ни был на стороне противника.

Да это все бы ничего! Но меня начали дразнить за физические недостатки.

Правду сказать, я представляла тогда собой очень несуразного угловатого подростка, хуже,



---

чем гадкий утенок. Выше всех в классе, я как-то резко вытянулась за полгода, руки-ноги за таким стремительным ростом не поспевали и болтались тонкими жердочками, непомерно толстые в суставах, нос распух, на лбу прыщи, шея длинная, худая. Ужассс!

У меня с родителями странно сложились абсолютно доверительные открытые отношения. Странно, потому что так не бывает — до определенного возраста, лет до десяти, да, и у многих, но подросток заполучает слишком много тайн, вопросов и открытий, о которых невозможно говорить с родителями. Ну невозможно, и все!

Мне, видимо, это забыли объяснить, и я шпарила прямые вопросы и заявления на головушки родителей прямым же текстом с требованием немедленного углубленного ответа. Родители мои — тоже люди не совсем традиционные в плане принятых догм и правил, а посему вопросы мои их не смущали и они шпарили доченьке столь же прямыми и четкими пояснениями.

Например, про месячные мне объяснял папа, доходчиво и подробно, с демонстрацией картинок в медицинской энциклопедии, и небольшим экскурсом о возникновении беременности, и совместным походом в аптеку за средствами гигиены, поскольку мама в тот момент была в командировке, а к девочке пришло девичество.

Вот я и жаловалась истерично маме о своей ущербности и страхолюдстве. На что она однажды подвела меня к зеркалу и спросила:



— Скажи, что ты там видишь?

— Уродину! — заявила я в агрессивно-плаксивой форме.

— Давай конкретно, по деталям, что тебе не нравится? — настаивала мама.

— Волосы жирные постоянно, сколько ни мой, — приступила я к перечислению, — и цвет у них какой-то мышинный!


— А что-нибудь хорошее в них есть?

— Ну-у-у, — подавшись к зеркалу и присматриваясь повнимательнее, пыталась я отыскать это «что-нибудь хорошее». — Они густые...

— Вот. Ты заметила, что мало у кого из девочек встречаются такие густые волосы, а ведь это твое достояние. Давай дальше.

— Лицо страхолюдное, — «дала дальше» я. — Лоб прыщавый, нос толстый какой-то стал, губы пухлые, как у пупса. А шея?! Длиннющая, тощенькая!

— А теперь посмотри по-другому, — предложила мама. — Отвлекись от очевидных недостатков, найди достоинства, которые ты не хочешь замечать! Присмотрись, какой у тебя изысканный, изящный овал... — И она провела пальцем по всему контуру лица. — Не круглый и не плоский, как блин, не вытянутый и узкий, не сердечком, как детский, а аристократический. Теперь посмотри, какая у тебя кожа, не на лбу, а на щеках, подбородке. Прыщи пройдут, и очень скоро, а твоя нежная бархатистая кожа останется. Я же



---

тебе объясняла, почему у подростков происходят такие несимпатичные физические моменты: тело меняется из детского во взрослое.

И так мы простояли час, и мама вместе со мной прошла исследовательским взглядом по всему моему телу, открывая не замечаемые мною в подростковом антагонизме очевидные достоинства. А потом она научила меня, что никогда нельзя себя ругать за мнимые и явные (если таковые есть) физические недостатки, а надо говорить себе самые лучшие слова, хвалить свое тело, благодарить, что оно такое чудесное и так замечательно тебе служит. И уговорила закрепить урок.

— Ручки мои красивенькие, пальчики мои тоненькие... — начала я и, не выдержав, рассмеялась.

Мы с ней, как заигравшиеся подружки, обнялись и с хохотом повалились на кровать, придумывая все новые и новые нежные похвалы частям моего тела.

— Шейка моя лебединая! — хохотала я, перекатываясь по кровати.

— Попка моя упругая! — вторила мне мама.

А когда мы совсем выдохлись и устали смеяться, она сказала:

— А знаешь, это очень здорово работает, я на себе проверяла. Надо только сначала все время вылавливать в мыслях любую критику себя и тут



же заменять ее похвалой. А потом привыкаешь и даже не замечаешь.

— А потом? — приподнялась я, опершись на локоть, ужасно заинтригованная.

— А потом совершенно непонятно, как и почему ты начинаешь по-настоящему себя любить и принимать такой, какая ты есть. И знаешь, что самое загадочное?

— Что? — замороженно спросила я.


— Что больше никогда в жизни тебя не посетят никакие комплексы физической неполноценности, и никто и никогда уже не сможет тебя обидеть или задеть высказыванием о твоём несовершенстве, и тебе будет глубоко наплевать на чужое недоброе мнение. Вот так. Кажется волшебством, а всего лишь надо хвалить себя.

— Здорово! — согласилась я.

Надо знать мое врожденное упорство! Если я решила что-то сделать, я ухайдакаюсь вся сама, достану всех окружающих, если понадобится, но сделаю то, что решила!

Не самое лучшее для женщины качество, как утверждает мой папа и как не раз убеждалась я сама, но что поделаешь — какой дали характер при рождении, тот и придется донашивать!

И я начала упорно талдычить хвалебные речи своему несуразному тельцу! Вот прямо как стихи заучивала — повторяла и повторяла про себя и мысли паразитические вылавливала, как учила мама. Ну например. Еду я в школу, увидела свое



---

отражение в окне вагона метро и подумала: «Какой у меня носик уродский!», тут же спохватилась и заговаривать принялась: «Носик мой тоненький, ровненький, красивенький...», и так далее.

Мучилась первые месяц-полтора страшно! А потом вроде и замечать перестала, хвалебные мысли-речи лились сами собой. Через полгода я вдруг обнаружила, что сверстники как-то и подотстали от меня. Или я их замечать перестала в упор? И как-то раз переодевалась перед зеркалом, торопилась куда-то и вдруг тормознула, поймав себя на том, что отражение, на которое я смотрю, мне нравится и не вызывает никаких критических замечаний.

Опа! Тренинг похвалой я продолжила с еще большим усердием и к пятнадцати годам получила искреннюю любовь к себе замечательной, полное игнорирование любой критики со стороны сверстников и привычку хвалить себя, приросшую ко мне, как вторая прекрасная шелковистая кожа!

Мама... Мамочка...

Под воспоминания я закончила все косметические процедуры после душа, не знаю, как для кого, а для меня обязательные, и поинтересовалась у Герцога, развалившегося у зеркала и подремывавшего:



— А не пойти ли нам обследовать участок, Ваше Высочество?

Высочество открыло глаза, вальяжно встало на ноги, с удовольствием потянулось и медленной, полной величия походкой подошло к двери, выказав действием согласие с моим предложением. Ну и чудненько!


Участок нам в общем и целом понравился. Грамотный такой участочек! Большущий, фиг его знает, сколько там в сотках. Но отдельно стоящая крытая летняя веранда с печкой и мангалом, буфетом и умывальником и деревянным столом с лавками, и банный двухэтажный комплекс, и какие-то хозяйственные постройки располагались на нем вольготно, не теснясь и не мешая друг другу, среди высоких сосен, рябин, яблонь и берез.

Мы нагулялись, надышались, Герцог пометил территорию где надо, сделал все свои важные дела, и мы вернулись в дом, тем более что к ночи стало прохладно.

Надежда Ивановна тем вечером из своей комнаты больше не выходила.

— Письмо читает, — сообщила озабоченная состоянием хозяйки Вера Николаевна, пригласив меня поужинать с ней в кухне.

Есть не хотелось. Но для приличия и поддержания компании я попила чаю с вкусным домашним вареньем из крыжовника и оладушками, благо мне на все диеты глубоко по фаренгейту:



---

лишние калории на моем девичьем стройном стане не откладываются в жировые накопления. Я же говорю: уникальная я девушка!

Герцог получил порцию свежей баранины с овощами, даже изобразил нечто вроде благодарного кивка головой, но не поручусь, вполне могла и ошибиться.

— Переживает она, — делилась своими опасениями Вера Николаевна, — как бы приступа не было.

— Но это же радостные переживания, — подбодрила я ее.

— От радостных, знаешь, тоже... — отмахнулась домработница.

А я пошла спать, не вступая в дебаты. Устала.

— Ну? — спросила я у Герцога, достав из специальной сумки его плетеную корзинку-кровать. — Где предпочитаете расположить ваше лежбище?

Герцог неспешно прошелся по комнате, явно испытывая мое терпение, остановился возле кресла, повернул ко мне голову и скривил морду, что в его исполнении означало саркастическую улыбку.

— А давай! — махнула я разрешающе рукой, вступая в разговор с Его Высочеством.

Он легко прыгнул на кресло, покрутился, примеряясь, улегся эдак картинно: кончики лап свешиваются с края, голова тяжелая сверху. Эстет, мать его итить!





Я заснула практически сразу, и сквозь сон мне не то привиделся, не то послышался на самом деле шум мотора заезжающего на участок автомобиля и громкий скрип тормозов.

Часа в четыре дня ему позвонила обеспокоенная до крайности Вера Николаевна, верная бабушкина помощница, по совместительству ее же домоправительница, и сообщила, что к бабуле приехала какая-то девица из Москвы с письмом от старой подруги и Надежда Ивановна ужасно разволновалась.

Твою ж мать! Какая там девица?!

— Гоните ее к чертовой матери! — прорычал приказание Битов.


— Я пыталась, но Надя не разрешила, — повиновалась Вера Николаевна. — Распорядилась, чтобы она у нас пожила, она с ней поговорить хочет, порасспросить и ответ писать собралась.

— Ладно, — принял решение Влад. — Я приеду, разберусь.

— Ой хорошо бы, Владислав Константинович, — порадовалась домработница и попыталась успокоить: — Но она вроде ничего девочка, наглая, конечно, но вроде ничего.

Какого черта! Что за подруга такая неведомая вдруг нашлась?!

По-хорошему надо бы прямо сейчас поехать и разобраться там с этой девицей непонятной, но сейчас он никак не мог! Дела, как водится, сроч-



---

ные и важные, к тому же он и так собирался завтра, в субботу, рано утром поехать на выходные.

Через час от агента «Вера» поступило новое сообщение: они обедают. Вроде бы мирно, и бабушка рада присутствию девочки и чувствует себя неплохо.

— А девочка такая, ну, столичная, — докладывала домработница, — юбочка коротющая, чуть не по самое это, каблучищи, маечка в обличку, полгруды видать. И собачка у нее, маленькая такая, страшенькая, но хорошая собачка, серьезная.

Что там происходит? Охренеть! «Юбочка по самое это! Полгруды видать!», да что за дела? Какую там профурсетку к бабушке занесло и за каким хреном?!

Он напрягся всерьез от непоняток, тревоги за Надежду Ивановну, невозможности немедленно разобраться и глубокой подозрительности к «засланной казачке» с собачкой. А если это... Далее варианты про гадских конкурентов и вообще недоброжелателей разного уровня.

А вы бы что подумали? Что какая-то девица тусовочно-тупого образца с собачкой приперлась из самой Москвы передать бабушке письмо?! Нормальный заход, по-вашему? А такая услуга, как почта, предусмотренная именно для таких вот доставок?

Битов весь извелся к концу дня, тем более что сообщения от Веры Николаевны поступали все



более настораживающие. Бабушка из комнаты не выходит, ужинать отказалась, плакала, лекарства пьет. Звонить самой бабуле и выяснять, что там на самом деле у них происходит, он не стал, понимая, что может наговорить чего сгоряча и расстроить ее еще больше.

«Убью! — холодно подумал про незнакомую девушку Битов. — Придушу стерву!»

Он смог выехать только после десяти вечера. Умотанный делами, рабочими вопросами и тревогой за бабушку, и не заметил, как доехал.

— Как она? — спросил с ходу у Веры Николаевны, вышедшей его встречать.

— Спит. Напереживалась, но обошлось без приступов.


— А девица?

— Тоже спит. В розовую гостевую мы ее определили. Да не беспокойтесь вы уж так, Владислав Константинович, Наденька девочке очень рада.

— Разберемся, — хмуро пообещал он.

Загоняя машину в гараж, он чуть не поцеловался с задком припаркованного уже там джипа, по привычке заруливая на свое место, лишь в последний момент успел резко ударить по тормозам и громко выmaterился.

Всем в этом доме известно, что в двухместном гараже он ставит свою машину слева! Какого хрена! Битов сдал назад и раздраженно въехал в гараж справа. Чужой джип, словно издеваясь, поскрипывал серебристым боком, будто наигрывая



---

на натянутых нервах Влада фальшивую до зубового скрежета мелодию.

Он вышел из машины, громко хлопнув дверцей, и, засунув руки в карманы, неприязненно поразглядывал незваного пришельца какое-то время. Вообще-то тойотовский «двухсотый» Land Cruiser не соответствовал образу бесцеремонной девицы, который сложился уже у него в голове. Ну в том смысле, что юбочки по самое не могу, каблучки-маникюр, полгруды миру напоказ и мелкая трясущаяся шавка под мышкой. Такие мармулеточки предпочитают ездить совсем на других машинках: красненьких, быстрых-быстрых и дорогих.

Ладно, все завтра!

Влад осторожно заглянул в комнату бабушки, удостоверился, что она спокойно спит, отказался от чая, ужина и любой другой заботы, предложенной верной домработницей, поднялся на второй этаж в свои хозяйские комнаты, по-быстрому принял душ и завалился в изнеможении спать.

По укоренившейся годами привычке Битов проснулся рано, часов в шесть. Обычно он баловал себя в выходные продолжением прерванного сна — легкой, нежащей полудремой, но сегодня притаившиеся на ночь, но никуда не девшиеся тревога и раздражение к сибаритству не располагали. Он быстро выбрался из кровати и отправился на пробежку.



Бегать по-настоящему и всерьез Влад не любил, поэтому предпочитал для разогрева мышц короткий маршрут: через мост по тропинке на том берегу реки, с которой открывались красивые виды, и назад.

Вернувшись, спустился в подвал, где оборудовал небольшой спортивный зальчик с несколькими тренажерами. Битов никогда ни на чем не фанател, не имел такой привычки. Тем более на ставшем в последние годы таким модным спортивным образе жизни, вот и предпочитал разминаться в удовольствие: хочу и могу и еще немного сверху, для нагрузки.

Стоя под упругими струями душа после тренировки, он наконец почувствовал, как отпускает напряжение и расслабляются мышцы. Хорошо!


Как Влад и предполагал, он оказался сегодня не единственной ранней пташкой. На веранде за столом, накрытом к завтраку, уже чаевничали Вера Николаевна с бабушкой, поджидая его.

— Здравствуй, мой хороший, — разулыбалась бабуля, протягивая руки ему навстречу.

— Привет, красавица, — обнял и расцеловал он бабушку. — Как ты?

— Да нормально!

Влад сел рядом с ней, подвинул к себе чашку с блюдцем, Вера Николаевна засуетилась вокруг него, наливая чаю, подвигая поближе тарелочку с горкой горячих сырников, вазочки со сметаной и вареньями. Он поблагодарил, положил себе



---

три штуки, отпил душистого чаю и только тогда приступил к выяснениям.

— Разведка донесла, что к тебе тут гостья непонятная приехала, — посмотрел он внимательно на Надежду Ивановну.

— Ох уж эта мне разведка! — Бабушка красноречиво посмотрела на засмутившуюся домработницу. — Ни согрешить, ни покаяться, тут же донесут!

— Просто мы о тебе беспокоимся, — примирительно пояснил Влад в тысячу неизвестно какой раз.

Это постоянная тема для их пререканий — доклады Верочки о состоянии здоровья и настроениях бабушки и ворчание Надежды Ивановны на тотальный контроль.

— Так что за барышня к тебе приехала? — настаивал Битов.

— Ее зовут Василиса, — принялась пояснять бабушка. — Она внучка моей давней, очень близкой подруги... — И загрустила, отвернулась. — Очень давно мы по глупости и непониманию разругались, я на нее сильно обиделась и только с годами поняла, как была не права. Но дурацкая гордость не позволяла мне сделать первый шаг к примирению, а Лидочка все эти годы считала себя виноватой. — Она посмотрела грустно на внука, погладила его по голове. — Люди совершают столько нелепых, трагических ошибок и годами живут с их последствиями.



— Все это понятно, — перехватил ее ладонь, поцеловал и положил на стол, накрыв своей большой ладонью сверху, Битов. — Непонятно, при чем тут эта Василиса?


— Здравствуйте! — весело и звонко поздоровался со всеми объект обсуждения.

Та-а-ак! Битов бесцеремонно уставился на незнакомку, заочно успевшую его раздражить до невозможности. Он неторопливо и со вкусом прошелся оценивающим взглядом с головы девушки до кончиков каблуков.

Вообще-то надо было сразу сообразить, что для Веры Николаевны «юбочка по самое это» могла быть и скромной юбкой-карандаш на ладонь выше колена, а «полгруды напоказ» — растегнутой верхней пуговицей строгой офисной блузы.

Но в чем-то она была права несомненно!

Высокая, где-то метр семьдесят, девушка казалась еще выше из-за каблуков. Неброская, некричащая красота лица. Нежная, чистая, даже с расстояния понятно, что шелковистая на ощупь кожа, правильный овал, правильный аккуратный носик, полные губы с четким естественным контуром, упрямый милый подбородок и потрясающие глаза насыщенного василькового цвета, чуть приподнятые к вискам, все это в легком утреннем макияже и с бриллиантовыми сережками-гвоздиками в мочках маленьких красивых ушек!



---

Класс! Первое определение, приходящее на ум. Холеная — второе!

Длинные рваные прядки, обрамлявшие лицо, переходили в густую, продуманно небрежно и легко заплетенную, перекинутую на грудь, насыщенного цвета потемневшей пшеницы косу, доходившую почти до талии.

О да, грудь! Поэма! Тяжелая, упругая, размера четвертого, с глубокой ложбинкой, открытой взору совсем не пошлым декольте с панорамным видом внутрь, а вполне нормальным вырезом обтягивающей ее белоснежной майки. Тонкая талия, подчеркнутая той же майкой и льняными шортами цвета апельсина, затянутыми ремнем и нежно обтягивающими умопомрачительные бедра. И вовсе не до ягодич, а на ладонь ниже попки.

Далее ноги-ноги-ноги офигенной формы и красы плавно перетекали через изысканные точеные колени в столь же офигенные икры, спускались-сужались до еще более изысканных и утонченных лодыжек и триумфально заканчивались узкими стопами с тонкими аристократичными пальчиками с ярко-красным лаком на ноготках, уверенно стоящими на высоких каблучках дизайнерских ярко-оранжевых туфель с открытым носком.

Дополняла наряд длинная расстегнутая прозрачная рубашка-накидка с бело-оранжевым абстрактным узором, как и все остальные вещи